

Юлий Бунин

«Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции

Юлий Бунин

**«Вехи». Сборник статей
о русской интеллигенции**

«Public Domain»

1909

Бунин Ю. А.

«Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции /
Ю. А. Бунин — «Public Domain», 1909

«Странная судьба выпала на долю русской интеллигенции. Даже самое слово «интеллигенция» до сих пор остается не вполне ясным и точным. В него вкладывается разнообразное и нередко противоречивое содержание. Еще больше противоречий встречается в оценке заслуг и значения нашей интеллигенции. Одни утверждают, что ни в одной стране нет такой идеалистической, бескорыстной и героической интеллигенции, как у нас; другие, напротив, наделяют ее одними пороками и недостатками. Не было бы ничего удивительного, если бы такое разноречие вытекало из коренной разницы общего мирозерцания у различных представителей нашей общественной мысли...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Юлий Бунин

«Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции

Странная судьба выпала на долю русской интеллигенции. Даже самое слово «интеллигенция» до сих пор остается не вполне ясным и точным. В него вкладывается разнообразное и нередко противоречивое содержание. Еще больше противоречий встречается в оценке заслуг и значения нашей интеллигенции. Одни утверждают, что ни в одной стране нет такой идеалистической, бескорыстной и героической интеллигенции, как у нас; другие, напротив, наделяют ее одними пороками и недостатками. Не было бы ничего удивительного, если бы такое разноречие вытекало из коренной разницы общего мировоззрения у различных представителей нашей общественной мысли. Нет, часто случается, что люди, в общем единомыслящие, резко расходятся в оценке интеллигенции. В то же время люди разных мировоззрений сходятся в нападках на интеллигенцию; на нее нападали и народники, и марксисты, и толстовцы, не говоря уже о реакционерах и консерваторах. Особенно много вынесла та часть интеллигенции, которая в разное время носила названия «нигилистической», «радикальной», «левой» и проч. Часто дело доходило до злобных и нелепых карикатур, которые в лучшей части нашего общества могли вызывать к себе одно лишь чувство презрения. Особенно много таких карикатурных искажений было в охранительной печати. Но, повторяем, не одни обскуранты и реакционеры восставали против радикальной интеллигенции. Многие прогрессисты крайне сурово относились к ней и в самых мрачных красках рисовали ее. Года три тому назад вышла, например, обширная книга Е. И. Лозинского «Что же такое, наконец, интеллигенция?»¹, в которой автор пытался доказать, что интеллигенция стремится создать для народа такой рабский строй, перед которым поbledнеет современный буржуазно-капиталистический порядок.

Сборник «Вехи», выдержавший в течение нескольких месяцев три издания и привлекая к себе внимание почти всей нашей печати, также от начала до конца проникнут резко отрицательным отношением к интеллигенции. Прежде чем перейти к характеристике этого «сборника», считаем нужным сделать оговорку. Мы далеко не принадлежим к числу таких, которые в нашей интеллигенции видят одни только достоинства и заслуги. Напротив, мы полагаем, что интеллигенция, как и всякий другой общественный слой, кроме положительных сторон, страдает многими недостатками и пороками. Думаем также, что весьма важно и полезно останавливаться на объективном и беспристрастном выяснении отрицательных сторон русской интеллигенции. Столь же важно уяснить себе меры, которыми эти отрицательные стороны могли бы быть уничтожены или по крайней мере смягчены. Было бы крайне полезно, действительно, поставить вехи на пути, по которому следует идти нашим интеллигентам. Эту ответственную задачу взяли на себя авторы сборника «Вехи», но разрешить ее сколько-нибудь правильно не смогли и, думается нам, скорее запутали, чем разъяснили вопрос.

Прежде всего нас поражает пристрастный и крайне субъективный тон большинства статей сборника. Авторы «Вех» не сдержали того обещания, которое они дали в первых строках своей книги. Автор предисловия к 1-му изданию, г. Гершензон, говорит: «Не для того, чтобы с высоты познанной истины доктринерски судить русскую интеллигенцию, и не с высокомерным презрением к ее прошлому писаны статьи, а с болью за это прошлое и в жгучей тревоге за будущее родной страны». Какие хорошие слова! Но сопоставьте с ними то, что говорит, например, тот же г. Гершензон на с. 80: наши интеллигенты «не жили даже эгоистически, не радовались жизни, не наслаждались свободно ее утехами, но урывками хватали куски и гло-

¹ Книга Е. И. Лозинского была издана в С.-Петербурге в 1907 г.

тали, почти не разжевывая, стыдась и вместе вождедая, как проказливая собака... А в целом интеллигентский быт ужасен, подлинная мерзость запустения». Вся статья г. Гершензона написана в таком же духе. Другие статьи, правда, не проникнуты столь грубым тоном, но, к сожалению, слишком далеки от объективности и беспристрастия. Отчасти это объясняется тем, что большая часть авторов сами еще очень недавно состояли в рядах той самой радикальной интеллигенции, против которой направлена их книга. Отколовшись от нее, они, как это чаще всего бывает у людей, перешедших из одного лагеря в другой, не сумели отрешиться от предвзятого отношения к своим старым товарищам, крайне преувеличивая их недостатки и пороки и утеривая надлежащую перспективу в оценке лиц и событий.

Отсутствие беспристрастия связывается у многих авторов «Вех» с необыкновенным самомнением, плохо вяжущимся с проповедуемым ими христианским смирением. Они чрезвычайно высокомерно относятся к очень видным русским мыслителям. Например, по словам г. Бердяева, Белинский «не обладал философским методом мышления», Михайловский был «без настоящей школы и без настоящих знаний» и т. д. Г. Бердяеву и его товарищам критика указала на целый ряд существенных несообразностей, противоречий в их статьях, даже на отсутствие у них ясного представления о том, кого следует понимать под именем «интеллигенция» и проч., причем среди лиц, писавших о «Вехах», встречаем весьма почтенные имена, как, например, К. К. Арсеньева. И что же? В ответ на эту полемику в примечании ко 2-му изданию г. Бердяев говорит: «Верность моей характеристики интеллигентской психологии блестяще подтверждается характером полемики, возгоревшейся вокруг „Вех“. Не ожидал я только, чтобы неспособность критиковать *по существу* духовно-реформаторскую работу „Вех“ оказалась столь всеобщей». Что г. Бердяев понимает под критикой *по существу* – остается совершенно невыясненным. К сожалению, не один только г. Бердяев проявляет такое высокомерное отношение к своим оппонентам; этим свойством отличаются и некоторые другие авторы сборника, несмотря на то что они не имеют на это никакого права, ибо каких-либо особенных заслуг перед русским обществом у них не числится.

Обратимся теперь к главным и основным положениям, выставляемым «Вехами».

* * *

По словам предисловия к 1-му изданию, «общей платформой» авторов этого сборника «является признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития в том смысле, что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства. С этой точки зрения, – продолжает г. Гершензон, – идеология русской интеллигенции, всецело покоящаяся на противоположном принципе – на признании безусловного примата общественных форм, – представляется участникам книги внутренне ошибочной, т. е. противоречащей естеству человеческого духа, и практически бесплодной, т. е. неспособной привести к той цели, которую ставила себе сама интеллигенция, – к освобождению народа». «Путь, которым шло до сих пор общество, привел его в безвыходный тупик. Наши предостережения не новы, – говорит автор предисловия; – то же самое неустанно твердили от Чаадаева до Соловьева и Толстого все наши глубочайшие мыслители. Их не слушали, интеллигенция шла мимо них. Может быть, теперь разбуженная великим потрясением, она услышит более слабые голоса».

Итак, главный грех и несчастье русского общества заключается в «признании безусловного примата общественных форм над внутренней жизнью личности». При таком положении вещей, казалось бы, важнейшей задачей участников сборника, желающих, чтобы их голоса, хотя и «более слабые», чем голоса «глубочайших мыслителей», должно бы быть основательное и серьезное опровержение отмечаемой ими ереси нашей интеллигенции. – Однако авторы

«Вех» не взяли на себя решение этой задачи. Ни в одной из статей сборника вопрос о взаимоотношении общественных форм и внутренней жизни личности не только не разработан, но даже и не затронут хоть сколько-нибудь в серьезной степени. Нельзя же в самом деле удовлетворяться таким рассуждением: интеллигенция признавала всегда с упорством свой основной догмат о примате общественных форм над внутренней жизнью личности и зашла в безвыходный тупик – значит, догмат ложен и должен быть заменен новым, диаметрально противоположным. Нам кажется, не нужно быть особенно тонким философом, чтобы усомниться в *необходимости* причинной связи между указанным догматом и «тупиком», в котором очутилось теперь русское общество, – ведь *допустимо*, хотя бы чисто теоретическое, предположение, что «тупик» явился результатом какой-либо иной причины или совокупности причин. А если это так, то следовало бы авторам сборника для успеха своей «духовно-реформаторской работы» (выражение г. Бердяева) запастись другими аргументами, имеющими более убедительную силу. К тому же разбираемый вопрос далеко не новый для нашего общества. По уверению г. Гершензона, русская интеллигенция «не слушала своих глубочайших мыслителей и шла мимо них». Допустим, что дело обстояло именно так, как говорит г. Гершензон, но мы никак не можем поверить ему, чтобы русская интеллигенция совсем не считалась с доводами «глубочайших мыслителей» и не пыталась защитить своей «ереси». У многих еще на памяти та полемика, которая возникла, например, вокруг учения Л. Н. Толстого о преимуществах личного совершенствования над стремлением реформировать общественные формы. В период наибольшего расцвета толстовского учения – в 80-х годах минувшего века – можно без преувеличения сказать, образовалась целая толстовская литература, в которой, между прочим, можно найти множество доказательств *pro* и *contra* по вопросу о взаимоотношении общественных форм и внутренней жизни личности. Пусть большинство представителей русской интеллигенции ошибалось, не оценив учения Л. Н., но тем, которые желают продолжать его дело, надо было бы систематизировать доводы противников Толстого и постараться опровергнуть их. Авторы «Вех» ничего подобного, повторяем, не сделали, а потому их «общая платформа», пожалуй, не произведет должного впечатления, несмотря на их уверенность в том, что теперь вследствие образовавшегося «безвыходного тупика» их «духовно-реформаторская работа» окажется более плодотворной, чем работа «глубочайших мыслителей».

Допустим, однако, что «платформа» сборника не возбуждает никаких сомнений и что на ней, действительно, следует объединиться всей нашей интеллигенции. Но и при таком допущении невольно возникает мысль: достаточно ли одной этой платформы, чтобы наша интеллигенция пошла по пути, указываемому «Вехами»? Как увидят ниже читатели, авторы сборника считают необходимым, чтобы интеллигенция воспитывалась в духе религиозности, государственности и национального самосознания, в уважении к культуре, к науке и к развитию производительных сил страны. Очевидно, что задачи такого воспитания очень сложны. Упомянутая выше «платформа» сама по себе мало может помочь делу. Достаточно вспомнить, например, Л. Н. Толстого, которого, судя по предисловию, авторы «Вех» считают своим учителем. И что же мы видим? Л. Н. Толстой и толстовцы, глубоко проникнутые идеей верховенства личного совершенствования над общественными формами, являются по содержанию своих взглядов антиподами авторам «Вех». Они отвергают государственность, культуру, науку, проповедуют космополитизм и проч. Да и религиозность Толстого и его последователей такова, что с нею едва ли, например, помирится г. Булгаков. В сборнике нет даже схематических, даже самых общих указаний на то, какими путями, какими средствами надо достигать перевоспитания интеллигенции в духе тех начал, которые ими выставляются. Ведь недостаточно же в этом деле одной проповеди, одного морализирования. Это осознает, например, даже г. Гершензон. Он говорит: «Нет, я не скажу русскому интеллигенту: „верь“, как говорят проповедники нового христианства, и не скажу также: „люби“, как говорит Толстой. Что пользы в том, что под влиянием проповеди люди в лучшем случае сознают необходимость любви и веры?

Чтобы возлюбить или поверить, те, кто не любит и не верит, должны внутренне обновиться, а в этом деле сознание почти бессильно. Для этого должна переродиться самая ткань духовного существа человека, должен совершиться некоторый органический процесс в такой сфере, где действуют стихийные силы, – в сфере воли». Что надо сделать для перерождения духовного существа человека, об этом г. Гершензон ничего определенного не говорит, но важно, что он указывает на недостаточность одной проповеди и призыва к покаянию. А если это так, то являются необходимыми какие-то другие меры. И нам кажется, что когда авторы «Вех» задумаются над этими мерами, они невольно придут к мысли, что для успеха их «духовно-реформаторской работы» нужно создать, между прочим, благоприятную атмосферу и обстановку во всей окружающей нас жизни. Иными словами, нужно будет позаботиться о том, чтобы создать новые формы общественной жизни. Иначе их проповедь может не привести к желательным результатам, как и проповедь их предшественников-единомышленников. Ведь проповедь личного совершенствования давно уже имела место в нашем обществе. И неверно, что русское общество оставалось глухим к такой проповеди. Вспомним, например, толстовство 80-х годов. Оно захватило одно время довольно широкие круги нашего интеллигентного общества. Толстовством увлекались тогда очень многие, но все-таки это было одно лишь увлечение, которое скоро рассеялось, когда обнаружилось, до какой степени затруднительно, почти невозможно перерабатывать духовное существо человека в атмосфере рабства, произвола и насилия, при тех формах общественности, в которых мы жили и живем. Значение форм общественности признается в известной степени и авторами «Вех», когда они объясняют происхождение пороков и недостатков русской интеллигенции. Почти каждый из них делает ссылки на наш деспотический строй, на наши общественные непорядки. Но если пороки и недостатки в существенных основах объясняются общественно-политическими условиями, то надо думать, что эти условия будут действовать и впредь. И в будущем будут сказываться на психике людей условия общественной жизни – хорошие в хорошем направлении, дурные – в дурном. Особенно это важно в деле перевоспитания общества. Ведь воспитывают не одни слова, не одна проповедь, а целый ряд общественных учреждений, в том числе и школа. Чтобы школа действительно могла воспитывать в умственном и нравственном отношении, она должна быть свободной, построенной на разумных педагогических началах; а разве возможна такая школа в ненормальном общественно-политическом строе? С последним необходима борьба во имя того же совершенствования личности и духовного существа человека. А такая борьба вот уже несколько десятков лет ведется тою интеллигенцией, на которую нападают авторы «Вех». Разумеется, необходимость этой борьбы не снимает с человека нравственной обязанности вести достойную жизнь, заботиться о своем нравственном и умственном совершенствовании. Но признание этого требования неравносильно признанию «платформы», выдвигаемой нашими авторами. Они, по-видимому, надеются, что события последнего времени заставят русскую интеллигенцию перейти на их сторону. Мы сильно сомневаемся в этом, хотя на временный успех они, вероятно, могут рассчитывать. Но успех этот, думается нам, будет именно временным и очень эфемерным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.